

Он услышал за спиной лёгкие шаги, сопровождаемые звоном серебряных колокольчиков.

Мужчина инстинктивно обернулся и увидел, как к нему медленно приближается человек в чёрной облегающей одежде.

Мужчина был невероятно красив.

В его глазах и бровях таилась лишь едва заметная улыбка, но даже этой крохи хватило, чтобы он не мог отвести взгляда.

Глядя на него, он словно нажал на паузу во всём мире, и в его глазах остался только этот мужчина.

Мужчина в оцепенении поднял руку и прижал её к груди.

Дрожь и биение здесь превзошли все его ожидания.

Он смотрел, как мужчина, скрестив руки на груди, усмехнулся и с вызывающей ноткой приподнял бровь:

— Что? Всего лишь запер тебя ненадолго, и младший дядя-наставник уже меня не узнаёт? Так боишься темноты?

Мужчина почувствовал, как шевельнулись его губы, но в итоге он ничего не сказал. Он лишь увидел, как мужчина слегка наклонился, и его запах и тень с пугающей агрессией накрыли его.

Мужчина инстинктивно сжал губы и услышал, как голос мужчины стал очень тихим, но с нотками раздражения и нетерпения:

— Если ты не заговоришь, я найду другой способ заставить тебя раскрыть рот.

Он позвал его:

— Дао Гуйчжоу.

Дао Гуйчжоу встретился с его агрессивным взглядом, увидел в нём ничем не прикрытую жажду обладания и инстинктивно захотел отвернуться, чтобы избежать пересечения взглядов, но стоящий перед ним человек тут же схватил его за подбородок.

Он словно не знал, что такое жалость, — его силы было достаточно, чтобы Дао Гуйчжоу нахмурился.

Грубая подушечка пальца давила на его белую кожу. Дао Гуйчжоу мог бы легко отвести его руку, даже если бы тот приложил гораздо больше усилий, удерживая его лицо в захвате.

Но он знал: стоит ему двинуться, как этот человек перед ним не сможет его одолеть.

По крайней мере, здесь и сейчас не сможет.

Однако Дао Гуйчжоу не шевельнулся.

Он лишь опустил глаза и спокойно произнёс:

— Цэнь Чоу, ты делаешь мне больно.

Он думал, что сможет спокойно поговорить с человеком перед ним, но в ответ получил лишь его гнев.

Цэнь Чоу разжал пальцы, но тут же, с ещё большей грубостью, рванул его к себе в объятия и, наклонив голову, сильно укусил его за шею.

Дао Гуйчжоу стало немного щекотно от его волос, а от тёплых губ и зубов по телу пробежала дрожь.

Он кое-как сохранял внешнюю холодность и безразличие, но сердце его давно уже было потеряно неизвестно где.

Он почувствовал, как Цэнь Чоу, оставив след от зубов на его шее, слегка провёл по этому месту губами.

Дао Гуйчжоу сжал губы, едва не сдавшись.

Но когда он услышал, как Цэнь Чоу хриплым голосом спросил: «Почему ты велел мне занять твоё место?», в его голове снова прояснилось.

Он молча посмотрел на Цэнь Чоу, который был на полголовы выше его, и сказал лишь:

— Это твоя миссия.

А затем...

Птицы, сидевшие в бамбуковой роще, вспорхнули, встревоженные; в пруду отразились переплетённые тени. Дао Гуйчжоу был крепко прижат к груди Цэнь Чоу и снова заточён в ту бездну, которую Цэнь Чоу принёс с собой, когда вознёсся.

Это была тьма, совершенно не подходящая Дао Гуйчжоу.

Такой человек, как Дао Гуйчжоу, должен был быть на облаках, вызывая восхищение, и даже если бы у кого-то в сердце зародилась греховная мысль, он ни за что не осмелился бы приблизиться.

Но Дао Гуйчжоу знал, что Цэнь Чоу не такой.

Этот ребёнок всегда знал, чего хочет, и хватал желаемое, даже если оно разбивалось вдребезги, он не отпускал.

Дао Гуйчжоу знал, что некоторые беспокоятся об их почти извращённых отношениях, но ему было всё равно.

Он от природы культивировал Бесстрастный Путь, не ведая ни печали, ни радости, но с тех пор, как он обратил свой взор на этого человека, он почувствовал, что его сердце существует в грудной клетке.

Действительно, тот проявлял к нему пугающую жажду контроля и обладания, и та любовь, что скрывалась в тени, действительно внушала некоторый трепет.

Но Дао Гуйчжоу был готов это потакать.

Дао Гуйчжоу сидел в этой тьме, молча пошевелив запястьями, скованными цепями. Когда цепи зазвенели, он почувствовал, как Цэнь Чоу обнял его за талию и с необычайно нежной силой поцеловал в затылок:

— Дядя-наставник, останься со мной навсегда, хорошо?

Дао Гуйчжоу чувствовал, как духовная сила в этом теле постепенно рассеивается, а душа с каждым днём погружается в сонливость, и не ответил.

Цэнь Чоу больше всего раздражало, когда он молчал. Каждый раз, слыша его затяжное молчание, Цэнь Чоу охватывала ярость.

Но он не делал ничего лишнего.

В сердце этого ребёнка всегда оставалась для него нежность.

Самое большее, что он позволял себе, — это несколько глубоких поцелуев.

— Младший дядя-наставник.

Дао Гуйчжоу уже думал, что его снова крепко прижмут к груди и зацелуют почти до потери сознания, как вдруг услышал за спиной тихий смех Цэнь Чоу:

— Я никогда не думал, что для тебя эта память окажется самой ценной.

Дао Гуйчжоу слегка опешил, почувствовав, как в его сердце что-то треснуло.

Человек позади обнимал его за талию, а другой рукой коснулся его шеи, большим пальцем едва заметно поглаживая сбоку — осторожно и медленно:

— Из-за чего же...?

Он тихо вздохнул:

— Жаль, что мои воспоминания неполны.

Дао Гуйчжоу слегка нахмурился и хотел поднять руку, чтобы убрать его ладонь — ему не нравилось, когда тот делал это.

Вернее сказать, не не нравилось, а скорее это было похоже на то, как если бы схватили его за слабое место, отчего по спине пробежал холодок.

— О чём ты говоришь...?

Рука Дао Гуйчжоу была перехвачена той, что обнимала его, и он не мог пошевелиться.

Он услышал, как тот продолжал, словно сам с собой:

— Но в то же время я довольно рад, что среди моих немногочисленных воспоминаний именно это — особенно отчётливое.

Дао Гуйчжоу дёрнулся, но не смог высвободиться, лишь почувствовал, как тот поцеловал его в мочку уха, отчего его дыхание в один миг сбилось окончательно.

— Если я не ошибаюсь, — тихо рассмеялся тот ему прямо в ухо, — единственное, что было в этот раз особенным, — это то, что я едва не сорвался.

Как только эти слова прозвучали, Дао Гуйчжоу показалось, что перед глазами всё померкло, и окружающий мир разбился, словно зеркало.

Дао Гуйчжоу снова погрузился во тьму, словно утопающий, идущий ко дну, и больше не чувствовал ничего.

Цзы Мин стоял среди этого белого, беспредельного мира, поднял голову и увидел, как изначально белое, не имеющее ни единого пятнышка «небо» стало голубым, как нефритовый кулон Дао Гуйчжоу.

Цзы Мин неторопливо прошёлся вокруг, затем приподнял бровь и тихо рассмеялся:

— Теперь ты ещё и в прятки со мной играешь?

Его голос не был таким ясным и звонким, как снаружи, а наоборот — низким и хриловатым, очень соблазнительным.

□...Я не понимаю, о чём ты говоришь.□

Раздался механический звук:

□Но ты не такой, как должно... Ты выходишь за рамки правил этого мира?□

Цзы Мин не увидел человека и удивился:

— Не покажешься?

□Я — всего лишь система, у меня нет физического тела.□

Цзы Мин, похоже, услышал что-то забавное, и его глаза изогнулись ещё сильнее:

— Система? Давненько я не слышал этого слова. Ладно, пусть будет так, как ты говоришь.

Его тон был небрежным и ленивым:

— Можешь объяснить, почему ты согласился впустить меня?

Он посмотрел на какое-то место в этом пространстве:

— Раз уж ты так легко пустил меня в море сознания, я ведь могу манипулировать твоей памятью как захочу.

□...Я не впускал тебя.□

□Я тоже в растерянности.□

□Но это не поддаётся контролю. Хост сам тебя принял. Но почему?□

Эти слова явно снова порадовали Цзы Мина.

Он тихо рассмеялся, и тени и жестокость, давившие на его сердце, немного рассеялись.

Цзы Мин пробормотал:

— Когда душа неполна, он такой милый?

Он, казалось, немного сожалел, но всё же поднял руку:

— Поспи-ка. Проснёшься — и ничего не будет.

Закончив, он снова вздохнул.

Ты сам меня впустил, так что не вини меня потом.

Младший дядя-наставник.

Когда Дао Гуйчжоу снова открыл глаза, он очнулся на коленях у Цзы Мина.

Он весь лежал на ногах Цзы Мина, а ладонь Цзы Мина лежала у него на лбу.

Дао Гуйчжоу растерянно моргнул — возвращение зрения было для него непривычным, но ещё больше его напряг запах крови, который тут же ударил в нос.

Он инстинктивно хотел встать, но Цзы Мин удержал его.

Он услышал, как Цзы Мин тихо сказал:

— Младший дядя-наставник, не двигайтесь, дайте мне немного опереться.

Дао Гуйчжоу поднял взгляд, увидел линию его подбородка, его затылок, прижатый к каменной стене, и пятно крови на груди — и его сердце словно сильно ударили.

Не думая, он схватил Цзы Мина за руку и приподнялся, собираясь притянуть его к себе, чтобы осмотреть рану, но Цзы Мин перехватил его запястье:

— Младший дядя-наставник, я в порядке.

Цзы Мин опустил глаза, его голос всё ещё был очень тихим:

— Как вы?

Дао Гуйчжоу:

— ...

Он в глубине души восхищался этим малышом.

Ну почему он такой гордый?

Разве так трудно признать, что ты ранен?

«Чжоучжоу сердится.jpg»

Он с досадой посмотрел на него:

— Ты в порядке? Столько крови — и в порядке? Мне что, дожидаться, когда ты умрёшь у меня на

глазах, чтобы это считалось «не в порядке»?

Договорив последнюю фразу, Дао Гуйчжоу невольно повысил голос, и в нём даже слышалась холодность.

В ответ Цзы Мин лишь посмотрел на него сияющими глазами, слегка склонил голову и уверенно произнёс:

— Младший дядя-наставник, вы волнуетесь за меня.

Дао Гуйчжоу честно кивнул:

— Конечно, я волнуюсь за тебя... Как же так вышло, что я уснул? Это из-за нестабильности души? Знал бы — сначала сходил бы искупаться в Пруд Согревающих Душ.

Услышав в его голосе искреннее сожаление и видя его прямооту, Цзы Мин слегка улыбнулся — его глаза стали чуть теплее:

— Я в порядке.

Он помолчал, словно с сожалением:

— Правда в порядке. Эта кровь — демонического зверя.

Услышав это, Дао Гуйчжоу наконец заметил в темноте неподалёку огромного демонического зверя, который тяжело дышал, лёжа на земле.

Дао Гуйчжоу:

— ...

В Цзяньюане должно быть только двадцать четыре великих демонических зверя.

Малыш говорит ему, что подрался с великим демоническим зверем, с ним всё в порядке, а вся кровь — звериная?

Дао Гуйчжоу показалось, что жизнь немного иллюзорна.

Либо он попал в сон, где перемотало на позднюю стадию этой игры в жанре «симулятор воспитания», либо малыш просто сошёл с ума.

Дао Гуйчжоу поднял руку и ущипнул себя за руку.

Всё ясно.

Это малыш сошёл с ума.

Дао Гуйчжоу перевёл взгляд на Цзы Мина и увидел, что тот уже встал, приняв расслабленную позу, и выглядел так, будто с ним действительно всё в порядке.

Заметив его потрясённое лицо, Цзы Мин с лёгкой улыбкой объяснил:

— Цепи, сковывающие демонического зверя, подавляют его духовную силу. Демонические звери сильны грубой силой, а не техникой. Я противопоставил его атакам свои мечевые

приёмы. Хотя победа далась нелегко, я всё же вырвал из его лап вашу душу, дядя-наставник.

Он сказал «далась нелегко», но по его виду было совершенно ясно, что он и не думает воспринимать этого зверя всерьёз.

Если бы это было в другое время, Дао Гуйчжоу бы обязательно задумался, но сейчас его внимание привлекло кое-что другое.

Дао Гуйчжоу, глядя на демонического зверя, из которого торчало несколько белых клочьев шерсти, застыл:

— Мою душу...?

— М-м. — Цзы Мин развёл руками: — Вероятно, из-за нестабильности вашей души, дядя-наставник, её было легко выманить. Если бы зверь её проглотил, вы бы стали его частью.

Он серьёзно сказал:

— И остались бы заточённым вместе с ним в этом Цзяньюане, не видя света до конца дней.

Дао Гуйчжоу инстинктивно схватил его за руку:

— Спасибо, спасибо.

Он искренне добавил:

— Уже и не знаю, в который раз ты меня спасаешь.

Цзы Мин опустил взгляд на его руку и тихо ответил:

— Это мой долг.

Увидев эту картину, демонический зверь, лежавший на земле, фыркнул.

Дао Гуйчжоу не услышал насмешки зверя, но Цзы Мин неторопливо покосился на него.

В этом взгляде не было ничего особенного, но он заставил зверя молча отодвинуться.

Дао Гуйчжоу заметил его взгляд и тоже посмотрел туда.

В его глазах читался неприкрытый интерес, и Цзы Мин это увидел.

Цзы Мин уверенно сказал:

— Младший дядя-наставник интересуется этими демоническими зверями.

Он погладил лежащий рядом Осколок Звёзд:

— Что хотите посмотреть? Рога, шерсть, кости или что-то ещё?

Хотя он не сказал этого прямо, Дао Гуйчжоу понял намёк.

Стоит ему кивнуть, и малыш вытащит меч, чтобы препарировать этого зверя.

И хотя Дао Гуйчжоу помнил, что Цзы Мин всего лишь на Пятом уровне Очищения Ци, он всё равно чувствовал, что малыш способен на это.

Наверное, это сила главного героя.

«Чжочжоу вздыхает.jpg»

Но Дао Гуйчжоу всё же не позволил Цзы Мину это сделать.

Он схватил Цзы Мина за руку:

— Нет, нет.

Он искренне сказал:

— В другой раз, а сейчас давай сначала найдём твоего дядю-наставника И Цина.

Демонический зверь: ?

Цзы Мин кивнул, убрал Осколок Звёзд в сумку Цянькунь и взял Дао Гуйчжоу за руку, которой тот сжимал его запястье:

— Снаружи темно.

Дао Гуйчжоу опустил взгляд на эту прекрасную руку, которой в будущем его будут убивать самыми разными способами, и молча сжал её в ответ.

Когда они вышли из пещеры, между ними воцарилась тишина.

Это была не неловкая пауза, а какое-то невыразимое спокойствие.

Дао Гуйчжоу даже почудилось, что он хочет идти вот так с Цзы Мином вечно.

Но его маленькая привычка взяла верх, и он не удержался, оглянувшись назад. Он ещё не успел открыть рот, как Цзы Мин тихо спросил:

— Младший дядя-наставник, разве вы не волнуетесь за дядю-наставника И Цина?

Дао Гуйчжоу молча убрал голову, подумав про себя: «У тебя что, глаза на затылке?»

Хотя ему было жаль брошенного зверя, он действительно больше беспокоился об И Цине.

И Цин в основном культивировал мечевой ци, а здесь это было всё равно что лишиться обеих рук.

У него, по крайней мере, был Цзы Мин, который мог сражаться с этими лишёнными духовной силы зверями, а что у И Цина?

В тот момент, когда обрушились бесчисленные валуны, он видел, как его обычно суровый старший брат, не колеблясь, встал на пути перед учениками поколения Цзы.

Без обеих рук да ещё и тащить на себе несколько обуз...

Дао Гуйчжоу мысленно поставил свечку за И Цина.

Поставив свечку, он снова начал беспокоиться об И Цине.

Он сказал:

— Ты, наверное, не знаешь, но старший брат с детства был не очень здоров.

Дао Гуйчжоу тихо вздохнул:

— Поэтому старший брат часто брал его с собой, тренировался с ним в мечевом искусстве, чтобы укрепить тело.

— Дядя-наставник И Цин не выглядит так, будто у него слабое здоровье. — На этот раз Цзы Мин не возражал против того, что Дао Гуйчжоу упомянул другого человека: — Он очень энергичный.

Дао Гуйчжоу вспомнил, сколько раз И Цин отчитывал Цзы Мина у него на глазах:

— М-м... Да, пожалуй.

Они болтали о том о сём, углубляясь в чашу, и, когда Дао Гуйчжоу хотел что-то сказать, он вдруг заметил чей-то силуэт.

Он резко остановился. Цзы Мин повернул голову и увидел, что тот пристально смотрит на тёмную каменную стену.

На ней отражались их тени, но кроме двух нечётких тёмных пятен было ещё одно — очень бледное и едва заметное.

Если бы не присматриваться, его было бы не видно.

У Дао Гуйчжоу волосы встали дыбом.

Мало того, что свалился в Цзяньюань, так ещё и нечистая сила?

Он проследил за этим пятном тени и посмотрел назад — там была лишь непроглядная тьма, ничего не видно.

Чем сильнее была темнота, тем более гнетущей и жуткой становилась атмосфера.

Дао Гуйчжоу инстинктивно сжал руку Цзы Мина.

Он не то чтобы боялся всей этой нечисти.

В конце концов, он, Дао Гуйчжоу, мог в одиночку гулять по ночным улицам после просмотра известного фильма ужасов.

Но тени в таком месте...

Даже если она по форме напоминает человека, вовсе не обязательно, что это именно человек.

Ведь это Цзяньюань.

— Младший дядя-наставник. — Цзы Мин тихо сказал: — Всё в порядке. Я не чувствую убийственного намерения.

Дао Гуйчжоу ответил:

— Пошевелись-ка.

Они сделали несколько шагов вперёд, и тень последовала за ними, сохраняя всё то же расстояние.

Дао Гуйчжоу оглянулся на тёмный проход:

— Друг, идти за нами вот так — не дело. Если тебе что-то от нас нужно, говори прямо. Если хочешь драться... советую вернуться и найти того белого лохматого.

После его слов прошло некоторое время, но тень не шелохнулась.

Дао Гуйчжоу не торопился, просто стоял и ждал.

Цзы Мин был ещё терпеливее.

Он слегка поглаживал тыльную сторону ладони Дао Гуйчжоу, раз за разом, отчего мысли Дао Гуйчжоу несколько раз улетали к их переплетённым рукам.

И когда Дао Гуйчжоу уже был готов попросить Цзы Мина перестать делать это его любимое движение, на каменной стене перед ними внезапно проявилась смутная тень.

Из стены вышла тень.

Без лиц, без конечностей — просто сгусток чёрных нитей, как в какой-нибудь хоррор-игре.

Если бы эта штука не появилась прямо перед ним, Дао Гуйчжоу решил бы, что играет в дешёвую игру ужасов.

Тень не открывала рта — по правде говоря, она, похоже, и не могла этого сделать, — но раздался бесплотный голос:

— Ученики Горы Линшань?

Дао Гуйчжоу кивнул. Тень снова заговорила:

— Я — один из них.

Дао Гуйчжоу: ...

Ну и видок у тебя.

Прямо как у злодея.

Все его мысли были заняты этой странной внешностью, и он не заметил, как стоящий рядом с ним Цзы Мин бросил на эту штуку ещё один взгляд.